

Рассказы «Толстый и тонкий» и «Ионыч» А.П.Чехова

Кривенцева В.

Аннотация. На уроке по рассказам Чехова автор предлагает учащимся провести стилистический эксперимент, объясняя, что теряют рассказы при изменении авторского заглавия, зачинов, устранения отдельных эпизодов, слов и выражений.

Ключевые слова: стилистический эксперимент, авторский замысел и его художественное воплощение.

Я работаю учителем русского языка и литературы почти тридцать лет. Но до сих пор меня волнуют вопросы: «Каким образом, анализируя художественное произведение, пройти по пути, намеченному автором? Что и как делать, чтобы при чтении дети становились сотворцами автора?» И вот я решила на уроках литературы при изучении творчества Антона Павловича Чехова применять метод стилистического эксперимента, который признан наиболее действенным при лингвистическом и стилистическом анализе текста. Этот метод в практику толкования художественных произведений начал внедряться ещё в 20-е годы прошлого века А.М. Пешковским и Л.В. Щербой. По мнению Пешковского, в подлинно художественном произведении всё (вплоть до запятой) мотивированно и целесообразно, ничего нельзя изъять или поменять. Если это всё-таки осуществить, конечно, не нарушая общеязыковых норм (то есть произвести стилистический эксперимент), то разрушится композиция и целостность произведения.

Большая заслуга в разработке практики стилистического эксперимента принадлежит А.Н. Гвоздеву, который вслед за Пешковским считал, что без него нельзя заниматься анализом текста, так как осуществляемое учеником-исследователем изменение позволяет определить функцию части в составе целого. Теоретические положения этого метода разработали лингвисты И.К. Белодед, Б.А. Ларин, В.В. Одинцов и другие. Ему уделяли внимание в своих многоаспектных филологических исследованиях А.А. Потебня, В.В. Виноградов, М.М. Бахтин.

Эффективность метода стилистического эксперимента попытаюсь продемонстрировать при доказательстве мотивированности заглавий и абзацев-зачинов в чеховских рассказах «Толстый и тонкий» и «Ионыч». Заглавие художественного произведения является эпицентром художественно-образной системы. Об этом известно всем словесникам, начинающим и опытным.

Я предложила ученикам другие варианты названия, например, «Встреча на вокзале», «Случайная встреча», «Встреча друзей детства». Но это сделать невозможно, так как в этом случае разрушается композиционно-речевой уровень, на котором создаются ассоциативно-смысловые связи, а следовательно, умирает и авторский замысел. Возникшее в начале рассказа сопряжение лексемы «толстый» с лексемами «полный» или «упитанный», а лексемы «тонкий» с лексемами «худой» или «тощий» постепенно уступает место ассоциативным связям со словами «богатый» и «бедный», «вельможа» и «слуга», «ваше превосходительство» и «безликое существо».

Далее предлагаю, не нарушая языковых норм и сюжетного речевого строя в начальном предложении абзаца-зачина, к словоформе «на вокзале» добавить конкретное наименование станции. Спрашиваю у детей: «И что же получилось?» Отвечают, что исчезло обобщение. Я с ними согласна. Ребята увидели художественно-образную типизацию: подобное могло случиться на любом вокзале.

Предлагаю в завершении разбора первого предложения первого абзаца вместо слов «один толстый, другой тонкий» употребить синонимические – «первый толстый, второй тонкий». Что получится? Ученики делают вывод, что и такая замена нецелесообразна. Почему?

Лексемой «один» автор стимулирует читательское любопытство, вызывает закономерный вопрос: «А что же ты за один?», «Кто ты такой?». Слово же «другой» сопрягается с однокоренным «друг». Из дальнейшего контекста дети узнают, что бывшие «друзья» (арх. «други») детства во взрослой жизни стали другими.

Представим, – говорю ученикам, – что более поздний рассказ Чехова «Ионыч» был бы озаглавлен «Старцев» или «Земский врач». Фамилия Старцев является «говорящей», настраивающей на процесс старения и одряхления человека, что, собственно говоря, и происходит с героем.

Почему же всё-таки автор вынес в заглавие антропоним Ионыч? Почему в повествовании он как бы невзначай дважды связывает его с отчеством Писемского Феофилактыч («А как смешно звали Писемского: Алексей Феофилактыч!»; «Дмитрий Ионыч (она чуть-чуть улыбнулась, так как произнеся «Дмитрий Ионыч», вспомнила «Алексей Феофилактыч»)? Котик, вероятно, читала некоторые книги Писемского – он был тогда в моде у «смело мыслящей молодежи», потому что «его запрещали». Но всё, что осталось в её памяти, – это «смешное» отчество. Мы понимаем: повторы не случайны, они ориентируют читателя на восприятие целостного контекста, помогают ему не упустить главного. Будучи втянутым в обывательское общество Туркиных, считавшее себя светским (не случайно Чехов губернский город обозначает буквой С, её нельзя заменить на Н), с его однообразной, псевдодуховной и псевдогармоничной жизнью, Дмитрий Ионыч и сам начинает терять «души прекрасные порывы», Пустое времяпрепровождение Туркиных с их «талантами» повлияло на Дмитрия Ионыча Старцева. (А могло не повлиять?) «Чаша обывательского бытия» в губернском городе С. преобразовала его жизнь в бессмысленное существование. Вот, к примеру, с чего начинается последняя сцена «житейского театра» в городе С.: «Прошло ещё несколько лет. Старцев ещё больше пополнил, ожирел, тяжело дышит и уже ходит, откинув голову назад. Когда он, пухлый, красный, едет на тройке с бубенчиками и Пантелеймон, тоже пухлый и красный, с мясистым затылком, сидит на козлах, протянув вперёд прямые, точно деревянные, руки и кричит встречным: «Прррава держи!», – то картина бывает внушительная, и кажется, что едет не человек, а языческий бог».

«Становление» героя как обывателя начинается буквально с первого пребывания в обществе Туркиных и их гостей. В начале рассказа, рисующего игру Котика, когда, «казалось, что она не перестанет, пока не вобьёт клавиш внутрь рояля», мы видим реакцию гостей: «Все окружили её, поздравляли, изумлялись, уверяли, что давно уже не слыхали такой музыки, а она слушала молча, чуть улыбаясь, и во всей фигуре было написано торжество. – Прекрасно! Прекрасно!»

– Прекрасно! — сказал и Старцев, поддаваясь общему влечению». (Кстати, не увлечению.)

И вот шаг за шагом, от слова к слову, от предложения к предложению, от абзаца к абзацу, от сцены к сцене вместо «Старцев», «доктор», «земский врач» всё чаще встречаются местоимения «он», «и он». В обществе Туркиных «и он» стал поддакивать пустым словам и псевдоталантам, выражать, а не испытывать воодушевление. Они (Туркины) были обывателями, «и он» стал своим среди них.

На первый взгляд, в рассказе можно было бы опустить развёрнутую кладбищенскую сцену не состоявшегося ночного свидания с Котиком. Не кажется ли она выпадающей из общего контекста? Нет, это не так, сцена является оправданной. В кладбищенской тиши при лунном свете Старцев ощущает большее воодушевление, чем в гостиной Туркиных. Здесь ему ясно представляются сцены из жизни и действия живых людей с их подлинными чувствами.

Не совсем обычно начинать произведение с придаточного предложения. Учащиеся заметили, что это едва ли не единственный случай в творчестве Чехова: «Когда в губернском городе С. приезжие жаловались на скуку и однообразие жизни, то местные жители, как бы оправдываясь, говорили, что, напротив, в С. очень хорошо, что в С. есть библиотека, театр,

клуб, бывают балы, что, наконец, есть умные, интересные, приятные семьи, с которыми можно завести знакомства».

Казалось бы, ничего особенного не случилось, если бы писатель опустил вводное слово «напротив» и тогда стало бы: «В С. очень хорошо». Но, по мнению детей, это слово настраивает читателя на встречу со «знакомым незнакомцем» и «сложной простотой». Действительно, следует читать одно, а в подтексте видеть и понимать другое, готовиться к тому, что в «губернском городе С. очень плохо», что в нём много неинтересных и ограниченных людей и семей.

Настоятельным побудительным высказыванием: «Прощайте, пожалуйста!», звучащим из уст Туркина в заключение рассказа, Чехов жаждет попрощаться с обывательщиной, бездуховностью. Это крик его души. Поэтому и читают учащиеся: «Провожая их на вокзале, Иван Петрович, когда трогается поезд, утирает слёзы и кричит». Последнее слово нельзя заменить, казалось бы, синонимичным «бросает вслед». Неоправданно будет и высказывание «Прощайте пожалуйста!» заменить на «До свидания!».

Рассказ «Ионыч» был написан Чеховым на завершающем этапе творчества. Отталкиваясь от конкретного человека, мысль автора обращается к человечеству, к его насущным проблемам.

ЦГТБ имени А.П. Чехова